

На правах рукописи

ЗИМАРЕВА ЕЛИЗАВЕТА АРКАДЬЕВНА

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОТИВА “ПИЩИ” В
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (XI-XVII ВВ.)**

Специальность 10.01.10 – Журналистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2016

Работа выполнена на кафедре литературной критики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Научный руководитель: **Одесский Михаил Павлович**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Конявская Елена Леонидовна**,
доктор филологических наук (10.01.01); ведущий научный сотрудник Центра по истории древней Руси федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН).

Трахтенберг Лев Аркадьевич,
кандидат филологических наук (10.01.01); старший преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет» (СГСПУ).

Защита состоится 15 июня 2017 г. в 15:30 на заседании диссертационного совета Д 212.198.12, созданного на базе РГГУ: 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, корпус 7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ и на сайте организации по адресу: http://www2.rsuh.ru/binary/object_49.1482403763.29584.pdf

Автореферат разослан 15 марта 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, к. филол. н.

Ю.Г. Бит-Юнан

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Перед публицистикой Древней Руси стояли те же задачи, что и перед современной: образовывать и формировать читателя, влиять на мировоззрение. Термин «журналистика» к культуре Древней Руси, конечно, не приложим, но задачи, которые в наше время решают СМИ, брала на себя публицистика. Древнерусский публицист прямо называет причины, которые побудили его написать текст, а также заявляет об эффекте, которого планирует добиться своей работой. Сверхзадача публицистики той эпохи – объединение народа новой верой. Посредством публицистики Церковь решала задачи христианизации населения, а светская власть – социально-политического регулирования.

Тема данного исследования – «Мотив пищи в древнерусской публицистике». **Выбор темы** исследования определяется рядом обстоятельств.

Специфика древнерусской культуры определяется доминированием религиозных ценностей. Проникновение христианства на Русь вызвало необходимость переосмысления жизни с позиции веры в Бога. У публицистики появились задачи объяснить ход истории Провидением, доступно изложить христианские догмы, а также инструктировать насчет соответствующих образа жизни и обрядов и в дальнейшем регулировать их исполнение.

Публицистика Древней Руси любую проблему той эпохи решала с религиозной точки зрения: в частности, быт и питание. Особенно продуктивным для публицистики стало использование мотива «пищи» в религиозной полемике с представителями других конфессий, при формировании идеального образа христианского социума и сатирическом изображении общественных пороков.

Древнерусская публицистика стремились регулировать пищевой режим всех членов общества. Принципиально, что древнерусские тексты сосредотачиваются на самих запретах в области питания, но не их толковании. Происходит сакрализация пищевых запретов. Это стремление определяется византийским наследием, а также задачами властных структур

Руси, заинтересованных в объединении членов общества новой религией. Запретами в области питания новая элита добивалась полного разрыва общества с язычеством.

Религиозность не мешает древнерусской публицистике говорить о нерелигиозных вещах – повседневной жизни. Пища – то, с чем каждый сталкивается каждый день. Для христианина трапеза не просто акт питания, но ритуал, связывающий с Богом.

Пища влияет на формирование идентичности человека, а также является предметом социального контроля и манипулирования. На ценностно-поведенческую ориентацию современного человека оказывают воздействие реклама и СМИ, а на человека Древней Руси – словесность.

Хронологические рамки исследования – XI-XVII вв. – обусловлены особенностями литературно-публицистического процесса. Указанный период включает в себя литературу, которую традиционно считают древнерусской. Древнерусская литература возникла в XI в. «Слово о Законе и Благодати» киевского митрополита Иллариона – один из первых ее памятников – был создан в 30-40-е гг. XI в. Последним веком древнерусской литературы принято считать XVII столетие, период разрушения прежних литературных канонов, появления новых жанров и новых представлений о человеке и мире.

При анализе древнерусских текстов необходимо иметь в виду их общие особенности. Литература Древней Руси базируется на религиозных ценностях. Ее герои – представители определенного сословия: «Общество, унаследовав еще языческие воззрения, не умело мыслить человека вообще»¹. Чаще в центре повествования – воин и представитель духовенства. Древнерусская литература служит утилитарной цели: нравственное воспитание читателя. Социальная полезность реализуется во всех литературных жанрах. Авторы той эпохи не использовали вымышленные сюжеты. В этом *историческом реализме*, по замечанию Г.П. Федотова, «Русь

---

¹ Киянская О.И., Одесский М.П. Русская литература XI-XVIII веков: Учеб. / О.И. Киянская, М.П. Одесский. – М.: РГГУ, 2016. С. 15

в своем понимании истории ближе средневековой Европе, чем Византии»². Но древнерусские книжники работали с реальностью – какой ее понимали – и стремились убедить читателя в правильности своей интерпретации. Отсюда – практический, публицистический характер литературы Древней Руси.

Таким образом, **объект** исследования – образы пищи в древнерусских текстах. Соответственно, **предмет** исследования – публицистическая актуализация образов пищи в словесности Древней Руси.

Цель исследования – определить место мотива «пищи» в древнерусской публицистике: в религиозной полемике; в сочинениях, конструирующих идеальный образ Святой Руси; в произведениях с социально-сатирической направленностью.

Для достижения цели решаются следующие **задачи**:

- выявить место пищевых установок в каноническом праве;
- проанализировать мотив «пищи» в антикатолической полемике;
- проанализировать мотив «пищи» в описании борьбы с иноверцами;
- проанализировать мотив «пищи» в описании монастырского быта Древней Руси;
- рассмотреть связь института духовничества с установлением пищевого режима;
- выявить место установок института духовничества в древнерусской публицистике;
- выявить образы пищи в поэтике сакрального скандала;
- изучить мотив пьянства в древнерусской сатире;
- рассмотреть «русскую повседневность» в зарубежной россике и сочинениях русских авторов, предназначенных для иностранного читателя.

В качестве **методов исследования** применялись: принцип историзма, основанный на традициях культурно-исторической школы литературоведения, теория риторики (классическая и современная) и контекстуальный анализ.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется

---

² Федотов Г. П. Собр. соч. в 12 т. Т. 10. Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М., 2001. С. 348-349.

скорее как *недостаточная*. Как таковая тема «пищи» в древнерусской публицистике ранее не становилась предметом специального научного изучения, но отдельные вопросы, связанные с ней и ее местом в быту, безусловно, рассматривались. Вообще авторы работ по древнерусской публицистике и словесности традиционно анализируют не только форму изложения в памятниках, но также исторический контекст, потому касаются многих вопросов, имеющих отношение к повседневности человека Древней Руси. Например, В.В. Мильков и Р.А. Симонов рассмотрели «Вопрошание Кириково» как пример русской религиозно-философской публицистики. Текст носит карательно-запретительный характер, что позволяет говорить о распространенности того или иного явления в обществе. Своими рекомендациями (ответы владыки Нифонта) «Вопрошание» предлагает определенную модель поведения в случае нарушения религиозных правил.

Существенный вклад в изучение древнерусской публицистики внесла Н.В. Сеницына, всесторонне изучавшая литературное наследие видного публициста XVI в. Максима Грека. Религиозная полемика с представителями других конфессий, в которой Максим Грек принимал активное участие, представляет для нас особый интерес: в этом споре находят выражение ключевые установки церкви, формирующие образ мыслей и действий паствы, человека Древней Руси.

Большой научный интерес представляют работы В.П. Адриановой-Перетц как видного исследователя русской сатирической литературы XVII в. Важные исследования истории и поэтики демократической сатиры основаны на исторических фактах, собранных и систематизированных ею. Исключительная точность и конкретность исследований Адриановой-Перетц проявилась, например, в установлении источников фрагментов молитвословий, пародируемых «Службой кабаку», а также полного перечня блюд, о которых мечтают монахи из «Калязинской челобитной». Природе смеха в Древней Руси посвящен увидевший свет в 1984 г. труд Д. С. Лихачева, А. М. Панченко и Н. В. Поньрко – «Смех в Древней Руси». Исследователи выводят главное свойство русского национального смеха – саморазоблачение автора, выставление себя дураком для того, чтобы быть

«свободным в смехе» и, таким образом, решать публицистические задачи; напр., в случае с кабачеством, когда автор не только описывает положение «человека на кабаке», но еще выводит источник его бед – фигуру целовальника.

В. К. Былинин и В. А. Грихин ставили в своей работе другую задачу. В изданной ими книге «Сатира XI-XVII вв.», вышедшей в 1987 г., они взяли большой объем текстов, выходящих за привычные хронологические рамки XVII столетия – во-первых, а во-вторых, распределили его тематически. Так, в их книге есть разделы: политическая, окказиональная, социальная (ее содержание почти совпадает с текстами, которые приводит Адрианова-Перетц), бытовая, конфессиональная сатира. Былинин и Грихин уделяют большее внимание формированию жанра в целом: исторической подоплеке и источниках появления. Сатирическому изображению подвергаются в основном явления повседневности и особое внимание уделяется болевым точкам общества: напр., пьянству и неумеренности в еде среди представителей духовенства.

В XX в. начинает разрабатываться метод изучения древности через жизнь отдельного человека. Правда, еще в рамках традиционной методологии ранее совершались попытки исследовать в историческом контексте конкретные темы. В монографиях, посвященных материальному быту царской семьи³ в допетровскую эпоху, И.Е. Забелин реконструировал распорядок дня, обычного и особого, царя и царицы; на примере исторических лиц вывел основные черты русского характера; подробно описал бытовую обстановку, в которой жили монархи; тему народного быта разработал в «Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» Н.И. Костомаров и, отметим, сообщил о кушаньях из меню разных слоев населения и методах их приготовления⁴; С.И. Смирнов в «Древнерусском духовнике» раскрыл образ жизни духовников, что позволило зафиксировать и некоторые особенности поведения в быту

³ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: в 3 т. / И.Е. Забелин. – М.: Языки русской культуры, 2000-2003. – 3 т.

⁴ Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н.И. Костомаров. – М.: Республика, 1992. – 303 с.

мирянина, который контактировал с духовным наставником, как подразумевалось, регулярно, что, в частности, касалось пищевого режима.

Значительный вклад в изучение древнерусской повседневности в свете духовной культуры внес Г. П. Федотов. Наибольшую известность имеет его работа «Святые Древней Руси», увидевшая свет за границей в 1931 г. Монографию «Русская религиозность» – главный труд своей жизни – Федотов закончить не успел. Историк-эмигрант писал ее в США с расчетом, что читатель не носитель русской культуры. При жизни Федотова, в 1946 г., вышел только первый том, посвященный периоду Киевской Руси. Второй том, вышедший после смерти автора в 1966 г. под редакцией И.Ф. Мейендорфа, включает в себя период до конца XV в. Религиозность, по Федотову, не равна вере: принципиально не то, во что верит человек, но как он это делает. Федотов искал ответ на вопрос, как религия может влиять на социальные процессы. Федотов выводит типологию русской святости и объясняет ее особый характер на фоне остального христианского мира, в том числе православного, греческого и славянского Востока. В первом томе Федотов выводит важную для нас о ритуалистическом понимании христианской жизни большинством представителей Церкви. А именно они в качестве духовных наставников влияют на поведение мирян в быту.

Пожалуй, единственным современником Федотова, мыслящим с ним в том же направлении и работавшим в СССР, был историк Б. А. Романов (первый том «Русской религиозности» Федотова по многим вопросам пересекается с его книгой «Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI-XIII вв.)», изданной в 1947 г.). В работе Романова больше внимания уделяется тому, как юридические нормы отражаются в повседневной жизни людей разных социальных групп. Стоит отметить нестандартность подхода Романова к работе с историческим материалом. Ученый в предисловии сообщает, что намеревается реконструировать жизнь домонгольской Руси и «...как толмач, перевести старинные слова» на язык, понятный современному читателю. Здесь нужно заметить, что дается не языковой перевод, но перевод *понятий*. Для нас особый интерес представляет выведение Романовым исторических типов людей, а также

фиксация социальных процессов того времени: напр., судьба «гида» «Людей и нравов» – Даниила Заточника, оказавшегося в немилости у власть имущих. «Главное в содержании книги – это люди, а “нравы” в ней – лишь фон, на котором эти люди показываются. Люди взяты Б.А. из летописи, из Киево-Печерского патерика, из Поучения Мономаха и т.д. – это реально существовавшие люди, обобщенные в традиционных средневековых формах под пером древнерусских литераторов, но в книге Б.А. как бы “переведенные” на язык современного нам художественного метода и ставшие типами своей эпохи», – отмечает Д.С. Лихачев в статье посвященной Романову и его «Людям и нравам Древней Руси».

История повседневности интересует ученых и в последние годы. Н. С. Борисов пишет о будничных заботах людей эпохи правления Ивана III в «Повседневной жизни средневековой Руси накануне конца света» (2004 г.). Целью исследования было отразить усвоенный опыт повседневной жизни в «последний» 1492 г. Согласно древнерусскому календарю, Конец Света должен был наступить именно в тот год – 7000 от сотворения Мира. Автор, описывая тяжелую жизнь русского человека, с ее непрекращающимся войнами, стихийными бедствиями, голодом и произволом властей, характеризует ее как «искусство жить на краю пропасти». В книге «Повседневная жизнь русского средневекового монастыря» (2002 г.) Е. В. Романенко предпринимает попытку комплексного анализа монашеской жизни с учетом ее связи с миром. Для диссертанта были важны как традиционные работы в области изучения частной жизни, так и новые, написанные в основном в постсоветское время.

При работе над исследованием мы также изучили работы специалистов в области богословия. Среди них известный британский евангелист Джон Стотт; профессор Нового Завета в Теологическом Университете Кампена (Нидерланды) П.Х.Р. (Роб) ван Ховелинген; старший научный сотрудник центра библейских исследований «Тиндэйл Хаус» (Великобритания) Дэвид Инстон Брюер; профессор богословской Семинарии Асбери в Уилморе (США) Бен Утерингтон; историк Восточной Церкви Джон Х. Эрикссон. Обращение к их работам было продиктовано задачей установить

происхождение пищевых запретов – момента до их появления на Руси и проанализировать их связь с богословской литературой Древней Руси. Добавим, что обращались к двухтомному «Православно-догматическому богословию» митрополита Макария (Булгакова); также использовали материалы Г. Подскальски, занимавшегося историко-богословским изучением литературного наследия Древней Руси.

Источники исследования составили тексты XI-XVII вв., где образы пищи имеют публицистическое значение. Главным образом, это – «Церковный устав Ярослава» (XI в.), предлагающий пищевые запреты; «Вопрошание Кирика» (XII в.) и «Поучение епископа Ильи» (XII в.), отвечающие на вопросы богослужебной практики – формулирующие основные установки «пищевого поведения» на Руси; «Киево-Печерский патерик» (XIII в.; и включенное в него Несторово «Житие Феодосия Печерского»), в котором зафиксировано бытоустройство монастырской братии; «Летописная повесть о Куликовской битве», где мотив «пищи» используется для создания образа врага – не знающего христианской истины варвара-сыроядца; догматические сочинения Максима Грека о роли в таинстве Евхаристии пресного хлеба (XVI в.), среди которых «Слово похвальное святым апостолам Петру и Павлу; здесь же и обличение против латинских трех больших ересей», «Против лживого сочинения Николая немчина о соединении православных с латинянами», «Слово обличительное, отчасти, против латинского зловерия; здесь же и против “Альманаха”, который возвелеречил, что будет всемирный потоп более гибельный, чем упоминаемый когда-либо», «Ответ Николаю латинянину»; «Домострой» (XVI в.) – энциклопедия домашнего быта, вобравшая в себя весь опыт, накопленный за предыдущие века; «Домострой» Кариона Истомина, увидевший свет в 1696 г., где образы пищи служат в том числе для изображения пороков в социуме; «Житие» и послания своим духовным детям протопопа Аввакума (XVII в.), где беспощадному обличению с помощью образов пищи предаются последователи реформы Никона; «Служба кабаку» (XVII в.) и «Калязинская челобитная» (XVII в.), а также «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (XVII в.) – образцы демократической и

элитарной сатиры, разрабатывающей мотив пьянства; «О Московском государстве в середине XVII столетия» русского писателя Г. Котошихина, писавшего этот труд для иностранного читателя. Для сопоставления привлекаются также «россика» – произведения, созданные иностранцами и рассчитанные, соответственно, на иностранцев: «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна (1549 г.); труд Дж. Флетчера «О государстве Российском» (1591 г.).

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена кризисом национальной системы питания под давлением глобализации и проблемой навязывания бытовых привычек СМИ и другими общественными институтами. Знание причин формирования пищевого поведения – ключ в вопросе самоидентификации нации.

Научная новизна исследования заключается в выделении и систематизации поводов и форм обращения древнерусских публицистов к мотиву «пищи» как частному случаю их обращения к образам повседневной жизни, специфика которого обуславливалась доминированием в средневековом обществе религиозных ценностей.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования использования мотива «пищи» древнерусскими публицистами могут быть использованы в университетских курсах как по истории отечественной публицистики, так и по культурологии, при подготовке программ повышения квалификации журналистов, специализирующихся на истории журналистики.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации основных сфер использования мотива «пищи» в публицистике XI-XVII вв. Материалы и выводы исследования могут быть использованы и в теории современной журналистики, где публицистическое осмысление такой актуальной темы, как режим питания продолжает быть актуальным.

Апробация исследования. Положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры литературной критики Института Массмедиа ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», излагались автором в докладах и сообщениях, представленных на ежегодных научных

конференциях студентов и аспирантов факультета журналистики РГГУ «Русская журналистика и публицистика в историко-литературном контексте». По теме диссертации автором опубликованы четыре статьи в рецензируемых ВАК научных изданиях.

Структура и состав исследования обусловлены спецификой поставленных цели и задач. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В древнерусской публицистике описание пищи не фиксация быта, но его регулирование.
2. В задачи древнерусской публицистики входит регулирование пищевого режима представителей всех социальных групп.
3. Способы приготовления пищи с учетом религиозного и ритуального контекстов оказываются важнейшим параметром при ответе на вопрос «свой-чужой» и служат решению задачи самоидентификации.
4. Важное назначение образов пищи в древнерусской публицистике – участие в построении утопического общественного идеала.
5. Ритуальная пища является инструментом социального регулирования и даже участвует в решении внешнеполитических задач.
6. Через образы пьянства и неумеренности в пище в публицистических текстах раскрываются не столько пороки отдельных персонажей, сколько общественные неурядицы и причины их возникновения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, определяются предмет и объект исследования, ставятся цель и задачи, а также определяются варианты решения данных задач, выявляется степень научной разработанности проблемы, определяются источники исследования.

В **Главе I – «Мотив “пищи” в религиозной полемике»** – анализируется мотив «пищи» в каноническом праве, антикатолической полемике и описании иноверцев-кочевников.

Правила в области питания, зафиксированные в канонических церковных документах и нарративных источниках, авторы на Руси (поначалу

только греческого происхождения – напр., митрополит Иоанн II) заимствовали в византийской традиции и старались приспособить к своей действительности. Но на Руси – в отличие от Византии – не были распространены канонические комментарии, дающие моральную оценку запрещенным церковью поступкам⁵. Новоиспеченным христианам не всегда объясняли, откуда появились те или иные запреты и разрешения, и никогда – что значит нарушение правил с этической точки зрения.

Пищевые запреты из Апостольского декрета, санкционированного Иерусалимским собором 49 г., а именно – отказ от идоложертвенного, крови, удавленины, переключались в тексты таких древнерусских авторов, как митрополит Иоанн II, Кирик Новгородец, епископ Илья, составители княжеских Уставов, Феодосий Печерский. Задачей Апостольского декрета было подтолкнуть христиан из язычников к разрыву с идолопоклонничеством: того же добивались и представители неокрепшего еще на Руси христианства домонгольского периода.

Но как быть, если одно из пищевых правил нарушено: напр., животное было задавлено в силке и, значит, получило статус «удавленины»? Как распоряжались пищей, которая в силу обстоятельств была осквернена? Несмотря на экономию, представители Церкви отвергали возможность употребления в пищу удавленины (Нифонт приказал выбросить тетеревятину) и не по правилам приготовленное, оскверненное (Феодосий за ослушание даже «подстраивает» так, чтобы хлеб стал «оскверненным» и его нельзя было есть). На Руси запреты распространились на некоторые виды мяса, напр., медведину и веверечину, что объясняется уже не религиозной этикой, но экономикой: напр., Церковный устав Ярослава, запрещая мясо белки, на самом деле боролся со смердами-охотниками и не имел своей целью пропаганду физических ограничений ради нравственного очищения. Здесь образы пищи выступают как инструмент социальной политики и говорят о положении в обществе определенных слоев населения.

---

⁵ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.) / Г. Подскальски ; пер. с нем. А. В. Назаренко, под ред. К. К. Акентьева. – СПб.: Византироросика, 1996. С. 304.

Ритуальная пища – предмет ожесточенных споров между католиками и православными. Новый виток полемики приходится на первую половину XVI в., спустя столетия после раскола Церкви, произошедшее в 1054 г. Видную роль в споре с латинянами играет Максим Грек. Приводимые тексты Максима Грека в основном созданы в годы правления Василия III⁶. Появление Максима Грека на полемической арене, вероятно, связано с потребностью социального регулирования Василия III, который вел активную внешнюю (две Русско-Литовских войны и серия войн с Казанским ханством) и внутреннюю политику (объединение русских земель вокруг Москвы). Князю было необходимо объединить народ на борьбу с внешним врагом-иноверцем. Таинство Евхаристии, в котором используется ритуальный хлеб, – процедура, как подразумевается, регулярная для христианина, и именно через нее человек не только «вкушал» Бога, но становился полноценным членом общества с единым самосознанием.

Образы пищи использовались древнерусскими авторами в качестве характеристики врага: в случае с монголами, использовалось определение «сыродцы», которое буквально означало, что поработители *едят сырое* (мясо) – запрещаемое христианством. Противопоставление себя варварам по принципу еды неслучайно: оно выделяет жителей Руси как представителей прогрессивной религии христианства (последователи которой знают об обработке пищи, стоят на другой ступени цивилизации и, следовательно, презирают невежественных язычников, не знакомых с христианской истиной). Идентифицировать себя как христианина через пищу – вот, что предлагают древнерусские авторы с целью сплотить население против врага.

В Главе II – «Мотив “пищи” как элемент конструирования идеального образа святой Руси» – анализируется мотив «пищи» как элемент описания монастырского быта, а также его место в духовнической литературе и публицистике.

Повседневная жизнь человека Древней Руси строго регламентирована: духовная власть составляет для него четкий распорядок, стремясь ничего не

---

⁶ Преподобный Максим Грек. В 2 т. Т. 2: Сочинения / отв. ред. Н.В. Синецкая – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. С. 23.

упустить и ведя соответствующую пропаганду, в частности, средствами публицистики.

В древнерусской публицистике «правильная» пища предстает как средство спасения не тела (как это привычно современному человеку), но души. Книжники внушали: избавлению от греха и духовному росту способствует не всякая еда, а специальным образом приготовленная и принятая вовремя. Размер порций – вне зависимости от социального положения – верующий не определяет для себя самостоятельно: он получает рекомендации от духовника, своего руководителя на духовном пути. Таким образом, еда – элемент в покаяльной цепочке, без которого верующий не может в полной мере духовно реализоваться.

«Киево-Печерский патерик» принадлежит к нарративным источникам, но в данном случае его публицистическая составляющая также очевидна. Образы монахов, истинных праведников, спасающих тело и души свои и других, должны вдохновить читателя следовать их примеру – в том числе, в области питания. Задача церкви, изобретательно предлагающей аргументацию в пользу определённого пищевого режима, – подчинить общество духовной дисциплине, требуя вести одинаковый образ жизни. Это предполагает и социально-политический аспект.

Описание «пищи» в древнерусской публицистике призвано не фиксировать подробности повседневной жизни, но ее регулировать: задачей «Вопрошания Кирика» является моральное преобразование общества через бытовую практику, а также религиозное очищение (искупление грехов) посредством постижения сакрального смысла предписываемых христианством действий.

Наконец, в древнерусской литературе образы пищи востребованы при конструировании идеала, что позволяет отнести их использование к публицистическим приемам: семья в «Домострое», соблюдающая все этические и бытовые нормы (в частности, в пище, изображенной в пространнейших перечнях) – как в некоторой степени Киево-Печерский монастырь в «Патерике» – изображение не столько повседневного быта, сколько идеальной, утопической Святой Руси.

В Главе III – «Мотив “пищи” в социально-сатирическом осмыслении» – объясняется специфика функционирования мотива «пищи» в поэтике сакрального скандала, а также анализируются мотив пьянства и описания русской повседневности в сочинении «О Московском государстве» Григория Котошихина и «россике».

Прибегая к сатирическим приемам, древнерусские публицисты писали о болевых точках – общественных проблемах, актуальных в данный момент, чтобы обратить на них внимание социума и убедить в необходимости их решения. Конечно же, протопоп Аввакум не преследует цель смешить читателя, но его описание наружности никонианин – комическое, и достигается это отчасти благодаря образам пищи, в которой они неумеренны. Особенно часто вождь старообрядцев обращает внимание на пьянство, обвиняя приверженцев реформ патриарха Никона в причастности «скандалу» бытовому и одновременно сакральному.

Мотив пьянства используется в сочинениях, которые принято включать в корпус так называемой «русской демократической сатиры» XVII в. Их авторы обращались не к прямому обличению, а к пародии, но это не отменяло публицистической установки. Так, в «Службе кабаку», где пародически используются некоторые элементы церковной службы⁷, автор не осуждает пьяниц, но видит зло в институте питейных заведений, критикуя хозяев, которые потворствуют нравственному падению населения. В центре внимания «Калязинской челобитной» (пародирующей челобитную как вид документа) – монахи, чей нравственный облик не соответствует их статусу.

Русскую демократическую сатиру принято квалифицировать как «низовую», но «элитарная» литература также осуждает пьянство. Например, Симеон Полоцкий в обличительных стихотворениях, вошедших в сборник «Вертоград многоцветный», обвиняет в пьянстве монахов, а также мирян, у которых пьянство к тому же постоянно оказывается причиной домашнего насилия.

---

⁷ Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2010. – Т. 16: XVII век. С. 623-634.

В записках иностранцев образы, связанные с пищей, тоже не просто фиксируют бытовое положение, но служат инструментом описания социально-политической ситуации: напр., через пищу выводится положение женщины в обществе. Авторы-иностранцы, адресатом которых являются соотечественники, пишут о пороках древнерусского общества прямо, указывая виновников их распространения, и образы «пищи» служат им средством подтверждения своих взглядов, сложившегося (или заранее решенного) впечатления (напр., в замечаниях Флетчера о связи пищевого рациона с образом жизни или о роли властей в увлечении народом крепкими напитками). Особый интерес представляет случай русского писателя Григория Котошихина, писавшего для иностранного читателя. В фокусе его внимания – тоже быт, но детали, на которые Котошихин обращает внимания, выводят социальную проблематику на новый уровень (напр., в случае с «мирским» образом жизни представителей церкви – духовников).

В **Заключении** формулируются итоги проведенного исследования. Главный же вывод исследования состоит в том, что описания пищи в древнерусской публицистике служат не столько фиксации быта, сколько формирующему воздействию на поведение читателя.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. *Зимарева Е.А.* Мотив пищи в публицистике XI–XVI вв.: Еда глазами жителей Древней Руси и гостей-иностранцев / Е.А. Зимарева // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». – 2014. – №12 (134). – С. 168–173;

2. *Зимарева Е.А.* Рецензия / Е.А. Зимарева // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». – 2014. – №12 (134). – С. 244–245;

3. *Зимарева Е.А.* Р Лечебницы при монастырях в русской словесности и публицистике XI–XIII вв. / Е.А. Зимарева // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2015. –

№5. – С. 84–89;

4. *Зимарева Е.А.* Образ духовника в древнерусской публицистике и словесности / Е.А. Зимарева // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». – 2016. – №4 (13). – С. 121–127.